

Интегральная Медицина и Жизнь

№ 19, 06/20

И шли по Волге
пароходы

Беседовала Татьяна ЛИСИНА,
редактор Поволжского филиала журнала
«Интегральная медицина и жизнь»

Иван Константинович Герасимчук: «У меня был тернистый путь»

Сколько добрых дел Иван Константинович Герасимчук сделал за те годы, когда он был партийным руководителем Заводского района города Саратова! Одна из должностей, на которую он был назначен в своё время, сегодня равноценна должности министра.

Мы попросили Ивана Константиновича как можно подробнее рассказать о своей судьбе. Про таких, как он, говорят: на них земля держится.

ДЕТСТВО

Родился я 4 февраля 1931 года на Украине. В селе Кикова Новоград-Волынского района Житомирской области.

Родился на хуторе, где жила наша семья. Хутор был рядом с селом Кикова, практически был в лесу, чтобы попасть к нам, надо было пройти через речку.

Мать была родом из другой деревни — из села Торки. Но, выйдя замуж за отца, переехала сюда.

В 1935 году отец скоропостижно скончался. Он косил траву. После работы лёг отдохнуть на сырую землю и получил двухстороннее воспаление лёгких. Через два дня он ушёл из жизни.

Нас у матери осталось двое: я и брат Миша, 1933 года рождения. Мама в 1936 году второй раз вышла замуж, и после этого в нашей семье родилось ещё трое детей: в 1937, 1940 и 1942 годах.

Наш хутор находился на территории, которая являлась второй пограничной полосой Советского Союза. В 1939 году, когда нависла угроза войны (а она чувствовалась), было принято решение хутор убрать. И на этом месте начали строить военные сооружения, а нас переселили в село.

На месте нашего хутора было построено три пулёмётных дзота и один орудийный дзот прямо на берегу речки. Через нашу деревню проходила автомобильная трасса на Шепетовку.

Когда нас переселили в село, нашу хату разобрали, а сарай и другие постройки остались в лесу. И в них — корова. Мать и отчим строили новый дом из брёвен старого дома, которые перевезли в село. А мы с братом ходили через речку по пешеходному мостику — дойти корову два раза в день (в обед и вечером). Потому что матери ходить было некогда. Мне в то время было 8 лет. К этому времени я уже два года учился в школе.

ОККУПАЦИЯ

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 10 лет. Мы оказались на оккупированной территории уже в августе 1941 года. Те сооружения, которые были построены, оказались невостребованными — из них никто не стрелял. Получилось так, что немцы обошли нас стороной, и мы оказались в окружении, а наши войска отступили. Как эти сооружения были построены, так они и стояли. В них осталось огромное количество снарядов, патронов в дзотах. Патроны были прикопаны прямо в ящиках. Для нас, мальчишек, это было ценным кладом. Вначале — забавой, а потом мы начали эти снаряды разбирать.

С приходом немцев школа была закрыта. Колхоз распущен. Никаких магазинов не было.

В селе был назначен староста. А на несколько сёл был губернатор — немец. Я его хорошо помню:

немецкий офицер, инвалид — без глаза. Воевать он не мог. А губернатором был поставлен. Машины у него не было, а была бричка — пара лошадей и две повозки. У него была охрана, человек двадцать. В его вотчине было несколько сёл в округе, а жил он в нашем селе. Его задачей было снабжение армии за счёт нашего населения.

Все жили только тем, что выращивали — ничего другого не было. Мы сажали картошку, сеяли пшеницу, рожь. Держали скот — у нас была корова, свиньи. Ничего нигде не продавалось. Можно было только поехать в районный центр и там что-то обменять на продукты. Мы везли туда продукты питания и обменивали их у городского населения на необходимые вещи. Всё остальное делали сами.

У нас в хате стоял ткацкий станок. Мать ткала полотно — но не из льна (хотя его тоже сеяли), а из конопли — это самое крепкое волокно. Мы сеяли коноплю, смолачивали — из её зёрен можно было делать конопляное масло. Но масло нам было делать нечем. Мы в деревянной ступке толкли зёрна конопли, получалась масса, которой мама посыпала картошку. Было очень вкусно. А из конопли делали волокно. Коноплю расстилали. Летом она высыхала. Потом её ломали, получалось волокно. Из этого волокна мама плела нитку, а потом уже из нитки она делала ткань. Это очень интересный процесс. Если посмотреть на ткацкий станок, то ширина волокна была около метра, если не больше. Сколько же ниток надо было натянуть — и сверху, и снизу, а по середине шёл челнок с другой ниткой. Так мама ткала.

Ткань потом отбеливали на солнце. Она получалась очень жёсткой. Её мочили, расстилали возле хаты. Расстелем ткань на солнце — и ткань становилась белой. И уже из этой белой ткани мать шила всё: и нижнее бельё, и верхнее. Другой материи не было. В этом мы все ходили.

Когда колхоз распустили, часть его имущества раздали по хатам. У нас на двоих с соседкой была одна лошадь. Лошадь жила у нас — соседка была одинокая, и мы ей помогали. Поэтому я с ранних лет работал на лошади — помогал отчиму. Всё, что нужно было делать в селе, я делал.

При оккупации молодёжь забирали на работу в Германию. Когда забирали первые партии, никто не сопротивлялся — ведь не знали,

куда забирают. Когда же оттуда стали приходиться сообщения, что работа очень тяжёлая, никто не хотел туда ехать. И нас стали прятать. Но немцы наезжали внезапно, так, чтобы никто не знал — приезжали, окружали село, а люди уходили через речку в лес. Немцы боялись ходить в лес. Я был уже большим, высокого роста, поэтому мы с отчимом тоже несколько раз убежали в лес. Потом немцы додумались: заставили старосту составить список — кто в каждой хате проживает. В списке был указан год рождения. Немцы заходили в хату со списком: «Где этот? А этот?»

В 1943 году уже появились партизаны. У нас леса небольшие, поэтому больших партизанских отрядов не было. Но и те, которые были, не бездействовали. И немцы начали бояться. В 1943 году немецкий губернатор решил поехать в небольшое село Немьляня. Губернатор решил поехать потому, что это село не сдавало налогов, которые требовали немцы. Ехать в Немьляню надо было через речку, в лес. И вот 20 человек немцев на двух повозках поехали с ним. Партизаны узнали об этом. И всех расстреляли — и немцев, и старосту нашего села. И наших ребят из села Кикова, которые правили лошадьми — они были на бричках. На лошадях губернатора возил наш паренёк. Он тоже погиб. Расстреляли всех.

На второй день (это я видел своими глазами) из города приехал карательный отряд, прошёл через речку в село, но жители села к этому времени все ушли, и даже забрали с собой скот. Остался только один дедок. Немцы его убили, а всю деревню сожгли дотла...

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Освободили нас 4 января 1944 года. Это помню очень хорошо.

В этот день в деревню вошли наши войска. Было воскресенье. Все радовались. Мне шёл четырнадцатый год. Три года я не учился. Школа была закрыта — в нашей школе с 1942 года стоял батальон румын.

И вот 5 января 1944 года, когда наши войска уже были у нас в деревне, ровно в 4 часа утра мы услышали стрельбу. Мы вышли. Пули летели в нашу сторону. А у нас у каждого дома были построены блиндажи. Это была земляная яма, перекрытая двумя настилами брёвён, засыпанная землёй. Мать собрала подушки — и в блиндаж. Всех

детей спрятали в блиндаж, а мы с отчимом побежали в лес.

Бой в нашем селе длился полдня. Немцы перекрыли направление в сторону Ровного, на Запад. Они рвались на Шепетовку, провалились в наше село, сняли посты. В одной из хат, где были наши красноармейцы, немцы закололи 12 человек.

Когда бой начался, сожгли около 20 хат, которые были вдоль трассы. А в нашу хату (хотя от неё до трассы была метров пятьсот) попал снаряд. И наша хата полностью сгорела. Вместе с сараем, в котором погибли и лошадь, и корова, и свиньи, и куры.

Когда мы с отчимом пришли из леса, мать с детьми вылезли из блиндажа. Стоит печка с трубой. И больше ничего — всё сгорело.

Рядом с нами была хата, в которой жила одинокая женщина. Мы попросились к ней. Недельку жили у неё. Отчима сразу взяли в армию. А мать забрала всех нас, пятерых детей, и мы пошли в соседнюю деревню — километров в десяти от нашего села, в село Тольки, где жили родители матери.

Мы пришли туда через неделю, там стояли наши войска. И в хате у деда размещался штаб полка, через неделю они ушли. И вот нас пятеро детей, мать, бабушка, дедушка.

Мама и младшие братья Ивана Герасимчука

Младшую сестру матери немцы забрали в Германию. А её сын, Володя, 1933 года рождения, остался с дедом и бабушкой. И вот такой большой семьёй мы стали жить.

Земля в селе Кикова осталась за нами. И мать ходила туда на работу — 10 километров в одну сторону и 10 километров обратно. Мы там сажали картошку, сеяли рожь, пшеницу.

До войны я окончил три класса. А в 1944 году, когда мы приехали в Тольки, сразу пошёл в 4 класс. Но тут стали восстанавливать колхозы. А работать было некому — всё взрослое население ушло на фронт. Меня сразу забрали на работу.

Сначала резал солому для того, чтобы кормить скот. А весной, когда была посевная, работал на лошадях — сеял, пахал. И при этом учился в школе. В 1945 году закончил четыре класса. А в селе была только четырёхлетка.

Мама поставила задачу: построить хату там, где мы жили. А как её построить? С чего? И мы с дедом — их хата находилась рядом с большим лесом — ходили в лес и двуручной пилой пилили сосны, обрабатывали и на лошадях притаскивали к его хате. А потом эти брёвна мы с дедом грузили, и я перевозил их в своё село для того, чтобы строить хату. В 1945 году мы начали строить хату, и к концу 1946 года мы её построили.

Сестра мамы вернулась из Германии. Бабушка умерла, остался один дед. Мы переехали в своё село, в хату, которую только построили. Переехали осенью, заштукатурить потолок не успели, всё потекло, потому что всё было сырým. Зима 1946 года была суровой для нас.

В чем нам было тяжело? Урожай в 1946 году был очень плохой. Нам было нечего есть. Хотя мы построили сарай, обзавелись коровой. А до этого, в 1945 году,

в Кикове уродился хороший урожай картошки. А картошку хранили так. Погребов у нас не было. Мы выкапывали яму: два метра вглубь и полтора-два метра шириной. Вдоль стен вставлялась ржаная солома, она была высокой. (Рожь только серпом жали, косой не косили). И засыпали туда картошку полностью, почти до самого верха, потом опять застилали соломой. Делали отдушину, чтобы туда попадал воздух. Засыпали землёй, и так картошка хранилась всю зиму при любом морозе.

Один такой кагат картошки с 1945 года мы не трогали. И когда наступила голодная зима 1946 года, мать открыла нетронутый кагат. Картошка не сгнила, но превратилась в крахмал. Запах был такой неприятный! Мать набирала ведро картошки, промывала, и вот этот крахмал варила. Так питались.

УЧЁБА

В 1947 году я закончил 8 классов. У меня было желание учиться дальше. Но где? В селе была только семилетка.

Тут с Западной Украины, из Закарпатской области, прислали афишу: после окончания семи классов принимают в техническое училище на учёбу закройщика на полном государственном обеспечении (питание, одежда). И мы, трое ребят (я, Павло Нечипорок, Костя Матвейчук) решили поехать туда учиться, отправили документы. А в то время, в 1947 году, проехать туда можно было только по вызову, та зона была пока закрыта, потому что в лесах ещё действовали бандеровцы.

После этого к нам в село привезли ещё одну красивую афишу: горный техникум на всём государственном обеспечении принимает на обучение специалистов по добыче угля открытым способом. Нас покорила

Мама и тётя Ивана с его сёстрами

красивая форма. В ответ на нашу просьбу нам вернули документы, и мы послали их в Киев. Было написано, что такого-то числа приём экзаменов. Мы, не дожидаясь вызова, купили билеты на поезд. Взяли с собой по полбуханки хлеба (мать испекла каждому) и приехали в Киев. Нашли этот техникум. А в техникуме заканчивался ремонт, который проводили пленные немцы.

Нам говорят: «Зачем вы приехали так рано? Вы же попали во второй поток! Ну, ладно, коль вы приехали издалека (а мы проделали путь в 200 км)...» И нас отправили на частную квартиру, где мы жили неделю. Начали сдавать экзамены, сдали на тройки. А диктант мы все написали на двойки, и нас не приняли.

Как нам быть? Надо ехать назад. А денег на дорогу нет. Пешком не дойдёшь. А тогда были такие поезда, в которых были тамбура. Поезд в нашу сторону шёл поздно вечером. Мы пришли на вокзал, залезли в тамбур, и поехали без билетов.

На полпути нас высадили. Какая-то будка и поле. Четыре часа утра. Мы все грязные, ведь поезд топили углём. Где-то нашли ручеёк. Помылись. А Павло говорит: «У меня деньги есть, давайте я куплю всем билеты». До этого о деньгах он молчал. Павло купил на всех билеты. И часов в 7 утра мы сели влезли в поезд, который был полностью забит. Приехали домой, был конец августа. Что дальше? Нам хотелось учиться.

В 12 км от нас находилось село Рогачёв, где был зооветеринарный сельскохозяйственный техникум. Мы поехали в него, успели сдать документы, были допущены к сдаче экзаменов. Но получилось так, что из нас троих экзамен сдал только я, ребята не прошли. Меня приняли в техникум. А ребята ходили в соседнее село в 8 класс.

АРМИЯ

Я учился в техникуме до 1951 года, когда весной с четвёртого курса меня забрали в армию.

Служить я попал в город Овруч (это тоже Украина), в танковую часть, учиться на командира танка. Там посчитали, что у меня уже законченное среднее образование (хотя это было не совсем так) и направили в танковую дивизию, где два года готовили на офицера запаса.

А у меня (может, потому что мы так плохо и бедно жили) было желание остаться служить в армии. В штабе дивизии увидел объявление: «Объявлен приём на годичные курсы младших лейтенантов в г. Пятигорск». Я подошёл к заместителю командира роты. А он мне говорит: «А что ты туда поедешь? Ты посмотри — там ещё объявление. Тоже на курсы младших лейтенантов в г. Винницу на ГСМ-щики (ГСМ — это специалист по горюче-смазочным материалам). Ты подумай. Через год учёбы в Пятигорске ты будешь подчиняться командиру взвода, командиру батальона, командиру полка. А когда ты закончишь эти курсы, ты будешь начальником снабжения полка. И будешь подчиняться только начальнику полка».

Я решился последовать его совету. Мне дали направление в воинской части. И поехал в Винницу, меня приняли на курсы младших лейтенантов. Хотя говорили: «Ты ещё молодой, иди на срочную службу в училище — через два года получишь звание лейтенанта и будешь служить».

Но я остался на курсах младших лейтенантов. Нас было 70 человек. Год проучились. Мы узнали, что такое горюче-смазочные материалы, работали в лабораториях. Я знал все ГОСТы по горюче-смазочным

Сержант Иван Герасимчук (слева)

материалам наизусть, мог определить любой горюче-смазочный материал.

В 1953 году мы закончили курсы, ждали присвоения первого офицерского звания. А первое офицерское звание подписывает только министр обороны. В этом же 1953 году было большое сокращение армии, и наши курсы полностью сократили.

Присвоили нам офицерские звания и отправили всех в запас. То есть не дали возможности служить. Да, я был со срочной службы, но ведь среди нас были сверхсрочники, они хотели связать свою судьбу с армией.

Наш начальник курсов поехал в министерство нефтеперерабатывающей промышленности в Москву (а тогда кадры требовались на заводах) и говорит: «У нас есть ребята, которые знают, что такое нефтепродукты. Если вам нужны кадры, можем выручить».

В то время в Министерстве был директор Саратовского нефтеперерабатывающего завода Виктор Иванович Чеботаревский. Он сразу сказал: «Беру двадцать человек!». А до этого первая партия — двадцать человек — уже уехала в Подмоскovie на нефтеперерабатывающий завод.

И вот нам дали билеты на поезд. Отправление. И через Харьков мы двинулись в Саратов.

САРАТОВ

Приехали в Саратов. А здесь с вокзала до завода ходил только трамвай № 2.

Нас встретили, поселили в общежитие. Сразу же взяли на завод. Меня оформили помощником оператора на крекинг-установке в первом цехе.

Приехали в чём были, в военной форме — шинель и всё. Больше никаких вещей не было. Получал я тогда около 70 рублей.

Мы приехали в октябре. Среднего образования у меня не было, и я хотел учиться дальше. И мы, впятером, пошли в вечернюю школу № 16, в десятый класс. Мы работали и учились. Всё шло неплохо, но математика нам не давалась. Возможно, и подготовка по математике была не очень сильная, а потом — три года армии, всё, что до этого знали, за это время забыли.

И директор школы (Мишукович, участник войны) говорит: «Ребята, идите-ка в девятый класс!» Как

Молодой специалист Иван Герасимчук в конце 50-х годов

ПУТЬ ОТ РАБОЧЕГО ДО ИНЖЕНЕРА

В 1955 году я закончил 10 классов. У меня было желание поступить в высшее учебное заведение. И в этом же году я поступил во Всесоюзный заочный политехнический институт. Вечернее отделение этого института было на подшипниковом заводе, хотя основное отделение там было машиностроительное. Но так как в начале в высших учебных заведениях общее образование для всех одинаковое, наш директор попросил о нас директора подшипникового завода. Нам выписали туда пропуска и мы втроём каждый вечер ходили на занятия в институт.

У нас на заводе работа была в четыре смены. Технологическая установка работала по 6 часов, и мы работали так: с 6 утра до 12 дня, с 12 дня до 6 вечера, с 6 вечера до 00.00, и с 00.00 до 6 утра. И когда, бывало, мне вечером надо было идти на занятия, а моя смена в этот день начиналась 6 вечера, я менялся с товарищем: он выходил за меня с 6 вечера, а я выходил за него с 00.00. Получалось, что я, порой совсем не отдыхал.

Когда закончились три курса, которые состояли из общеобразовательных предметов, и началась специализация (я ведь учился в нефтяном институте), мы ездили на занятия в университет, где преподавали химию. Приходилось ездить и в политехнический институт, где была другая химия. Химии было очень много:

органическая, неорганическая, физическая... И всё это надо было изучать. Когда заканчивался семестр, мы ездили в Москву сдавать зачёты.

Потом я стал работать старшим оператором на установке. Это самая высокая должность рабочего, у меня был уже 6 разряд.

В 1961 году, когда были полностью сданы все зачёты, приняты все экзамены, нас допустили к защите дипломов.

Это проходило так. Мы втроём уехали в Москву, в технический институт, в котором мы учились, и там три месяца готовились к защите дипломов. Тема: «Реконструкция печей беспламенного горения». И вот в течение трёх месяцев мы готовили проект, писали экзаменационную работу, и в итоге защитились. Я получил звание «инженер-технолог по переработке нефти и газа».

Так мы приехали из Москвы уже не рабочими, а инженерами.

Меня записали в технический отдел завода. И направили в седьмой цех, где я должен был заменить начальника цеха. Она была из Чечни, её муж учился в Москве, защищал кандидатскую, и они оба возвращались в Чечню. Именно вместо неё я должен был стать начальником седьмого цеха. Но прошло уже два месяца, а из меня начальник цеха не получился, потому что она была совсем не заинтересована в том, чтобы подготовить себе смену.

Увидев такую ситуацию, руководство завода пригласило бывшего начальника цеха Сергея

это в девятый класс из десятого? Мы написали жалобу в Центральный комитет комсомола. Мы все были комсомольцами. Написали, что мы такие чудесные, а директор школы, такой-сякой, выгоняет нас из школы!..

Это письмо пришло на завод. Директор завода Виктор Иванович Чеботаревский приглашает к себе нас и директора школы. И говорит ему: «Ребята учатся. А ты их из школы выгоняешь! Вот что: я буду платить преподавателю математики за дополнительные занятия столько, сколько надо, но чтобы они учились».

Но преподаватель математики настояла на своём: «Ребята, ну что я могу сделать? У вас нет знаний. Если вы хотите дальше учиться, вы никуда не поступите из-за того, что у вас такие слабые знания по математике. Предлагаю вам идти в 9 класс.»

А это уже апрель месяц. Куда деваться? Мы вновь пошли в 9 класс.

На следующий год мы закончили школу, и закончили хорошо.

А 1954 году я женился. Нам с Клавдией дали маленькую комнату. Работали посменно.

И.К. Герасимчук с семьёй

Константиновича Соколова, который длительное время работал начальником цеха, но уже был на пенсии. Они пригласили его на два месяца, как это можно было по закону, для того, чтобы он поучил меня.

А я нуждался в этом. Ведь до этого я был рабочим, а тут мне предстояло руководить большим коллективом — в седьмом цехе было 300 человек!...

Это был сложный цех. Не технологический, а цех по выпуску продукции завода. К этому цеху относились: две наливные эстакады, огромный парк нефтепродуктов, речной причал, где заправлялись нефтеналивные танкеры. Конечно, была и техническая служба. Была служба на нефтебазе «Увек», куда мы перекачивали нефтепродукт, была своя железнодорожная ветка...

Когда Соколов пришёл на работу, он сразу поставил рядом со своим столом стол для меня: «Ты садись рядом, а я сяду сюда, как начальник цеха». Прошёл месяц, и Сергей Константинович мне говорит: «А теперь ты садись на моё место и командуй. А я буду наблюдать». И действительно, у него было, чему поучиться. Он был очень опытным руководителем цеха. Прошёл ещё месяц. И я полностью слился с работой, и начал работать начальником цеха уже самостоятельно.

Но так как я был инженером-технологом по переработке нефти, то меня тянуло в технологический цех. И я просился у руководства завода, чтобы меня в него перевели. И вот через три года, в 1964 году, в технологическом цехе № 3 освобождается место начальника цеха — Александр Спиридонович Бойко вместе с женой уезжал в Киев, в институт. И меня тут же назначили начальником цеха № 3.

Это технологический цех для установки вторичной перегонки. Интересный цех, интересный коллектив. И вот так я работал до 1967 года.

СМЕНА ПРОФЕССИИ

В 1967 году на партийном собрании меня избрали секретарём парткома завода. Это была должность партийного работника. Я проработал секретарём парткома до конца 1969 года.

В 1969 году на районной партийной конференции меня избрали вторым секретарём Заводского райкома партии. Второй секретарь отвечает за строительство, промышленность, транспорт в районе.

В июне 1974 года, в связи с уходом председателя исполкома районного совета на другую должность, на сессии районного совета меня избрали председателем исполкома районного совета народных депутатов. В это время я уже был депутатом районного совета.

В ноябре 1978 года на районной партийной конференции меня избрали первым секретарём заводского райкома партии.

В июле 1987 года на сессии областного совета народных депутатов меня утвердили заведующим отдела по труду облисполкома. Сегодня эта должность равноценна должности министра занятости, труда и миграции.

За время моей работы в районе председателем исполкома, вторым секретарём, первым секретарём райкома партии (это более 17 лет) в Заводском районе Саратова было построено пять школ, две пристройки к школам, десятки детских дошкольных учреждений, больница завода подшипников. Были построены профилактории заводов: авиационного, завода

Друзья по работе

На отдыхе в санатории

подшипников, завода щелочных аккумуляторов, нефтеперерабатывающего завода.

За это же время в районе были построены жилые дома, что позволило полностью освободить жильё барачного типа. А его в районе было очень много — оно было построено ещё во время войны. Особенно много жилья барачного типа было на авиационном заводе, на подшипниковом, на заводе щелочных аккумуляторов. И я рад, что нам удалось переселить жителей барачных в новые благоустроенные квартиры. Уже один этот факт говорит о том, что мы тогда работали не напрасно.

ПЕРЕСТРОЙКА

В должности, которую сейчас бы назвали должностью министра по труду, я проработал с 1987 по 1992 год.

Тут грянула перестройка. Советский Союз прекратил своё существование. В России появилось много переселенцев из бывших союзных республик. Возникла необходимость создания миграционной службы. И она была создана в 1992 году в стране, во всех регионах Российской Федерации, в том числе и в Саратовской области. Эта служба создавалась на базе отделов по труду.

Миграционную службу Саратовской области я возглавил в 1992 году. В моём подчинении было всего 6 человек. А в 1993 году мы начали финансироваться из федерального бюджета, увеличили количество работников и стали называться «Федеральная миграционная служба по Саратовской области». Таким образом, я был первым руководителем этой службы.

В 1994 году по возрасту я ушёл на пенсию и работал в службе занятости Заводского района главным специалистом до 2000 года, когда уже полностью ушёл на заслуженный отдых.

За годы работы в партийных советских органах был награждён государственными наградами. Это: Медаль за трудовую доблесть, Орден Знак Почёта (ещё когда работал на нефтеперерабатывающем заводе), Орден Трудового Красного Знамени, Орден Дружбы народов. Кроме того, медали, которые выпускало правительство каждые пять лет к годовщине окончания Великой Отечественной войны. Награждён двумя медалями Чехословацкой республики за активное участие в деле дружбы народов. У нас были дружеские связи. Заводской район Саратова дружил с городом Тренчин

Западно-Славянской области. Каждый год мы обменивались делегациями.

Один раз был в Чехословацкой республике, три раза — в Словакии. Дважды побывал за границей ещё в те годы, когда работал на заводе.

Саратовский нефтеперерабатывающий завод был в дружеских отношениях с комбинатом «Словнафт» в Братиславе.

ПЕРВАЯ ЗАГРАНПОЕЗДКА

В 1965 году делегация нашего завода была приглашена на завод «Словнафт». И вот мы отправились в Братиславу втроём: директор завода Григорий Яковлевич Минасов, я как начальник третьего цеха и секретарь парткома Фёдор Лысов.

Мы поехали с делегацией Саратовской области из Ленинского района с завода, который по сей день выпускает холодильники. Делегация полностью состояла из заводского оркестра, причём оркестр был очень необычным: это был женский духовой оркестр.

Наша делегация, кроме нас, состояла только из женщин с духовыми инструментами, их было человек пятнадцать. С ними был только один парнишка — певец Миша. Возглавлял эту нашу делегацию бывший секретарь парткома завода холодильников Георгий Васильевич Катусhev.

Нас троих, представителей нефтеперерабатывающего завода, должны были встретить с «Словнафта». Однако, встречающих не оказалось. И мы вынуждены были с этим духовым оркестром объехать всю Чехословакию. И только к концу нашего путешествия, когда мы уже приехали в Братиславу, нас наконец-то встретил заместитель директора завода «Словнафт» Иван Быстранин. Он участник Великой Отечественной войны, сражался в наших партизанских отрядах на территории России.

Он посадил нас в машину и повёз в Высокие Татры. Приехали мы туда уже к вечеру. И неожиданно оказались среди пастухов. У них было своё кафе. Нас пригласили ужинать. Всё было приготовлено из овечьего молока. Даже спиртные напитки!

После ужина Иван повёз нас ночевать в Высокие Татры. Там была для нас заказана гостиница. Мы поехали на машине высоко вверх, в горы. В одном месте он остановился и говорит: «Я сейчас зайду к своему лечащему врачу, узнаю, в какую гостиницу должен вас везти». Вернувшись к нам, он неожиданно воскликнул: «Пойдёмте! Нас ждут».

Оказалось, как только в семье его знакомого врача узнали, что мы русские, нас тут же стали радушно приглашать в гости.

И мы пришли в гости к этой гостеприимной словацкой семье: жена врач, муж врач и две девочки, которые уже спали. Тут же накрыли стол, пригодилась бутылка водки «Старка», которая была у нас. Пришли соседи, как только услышали, что мы приехали из России. Все были нам рады.

Позже нас всё-таки привезли в гостиницу, где мы переночевали. А радушный хозяин, расставаясь, нам сказал: «Утром приходите ко мне! Я встану рано, собираю грибов, будет вкусный завтрак».

И действительно, утром за нами приехал Иван, привёз в гости, где нас ждали свежие грибы.

Позже мы присоединились к своей делегации, с которой вернулись домой.

Вот такая была первая поездка в Словакию.

С Ольгой Алимовой

ПОЕЗДКА ВТОРАЯ

В 1968 году на наш завод пришло приглашение в Чехословакию на празднование 8 марта. А обстановка тогда была непростая: ведь совсем недавно там произошло восстание.

Я тогда уже работал секретарём парткома. Получив приглашение, мы с директором завода пошли в обком партии: «Как нам быть?». В обкоме партии связались с Центральным комитетом. Там ответили: «Пока ехать не надо». Мы составили письмо: сослались на то, что на заводе идёт капитальный ремонт, выехать возможности нет.

Проходит время. В сентябре приходит новое письмо: «Капитальный ремонт, вероятнее всего, у вас уже закончился. Приглашаем в гости!». Мы опять в обком партии. Там вновь звонят в ЦК. На этот раз Москва отвечает: «Надо ехать!».

Составили делегацию из четырех человек. Я — руководитель делегации, заместитель директора по экономике Иван Владимирович Котенёв, замглавного инженера по технике безопасности Константин Колодин и старший оператор, рабочий Саша Фёдоров.

Мы вчетвером поехали в Москву, заказали билеты. Переночевали в гостинице около Аэрофлота. Рано утром вылетели в Словакию. Прилетели в Братиславу рано-рано. Нас встречают: председатель партийной организации, председатель профкома и председатель молодёжной организации — молодой парень, инвалид без левой руки. У нас все тогда говорили: «Контрреволюция, контрреволюция в Чехословакии!». Как только мы вышли из самолёта, этот молодой парнишка сразу к нам подбегает: «Где контрреволюция? Где вы видите контрреволюцию, где?!».

Привезли нас в общежитие комбината гостиничного типа, разместили. Как только мы позавтракали, нам говорят: «К вам приехала делегация с завода, хотя с вами встретиться!».

В этом общежитии был большой холл, в котором стояли деревянные столы и скамейки. Мы спустились, а там — человек пятьдесят, в основном, рабочие. Они сидели за столами и пили пиво. Там так принято. Мы присели к столу. И они начали нам задавать вопросы. Провокационные. «Зачем в Чехословакию вошли ваши войска? И войска Варшавского договора — немцы, венгры, поляки?!» И на такие провокационные вопросы мне приходилось отвечать как руководителю делегации. Я отвечал так, как нам в Советском Союзе говорили об этой ситуации, как мы её понимали.

На второй день к нам на ужин приехал директор завода. Секретарь партийной организации, председатель парткома и — самое интересное! — приехал тот самый врач, у которого мы ужинали и завтракали в предыдущий свой приезд! Он оказался помощником директора.

Мы все сидели за одним столом: директор комбината, я, наш рабочий Саша Фёдоров, а за ним — помощник директора.

В кругу ветеранов

И вот помощник директора комбината всё спрашивал Сашу Фёдорова: «Ты воевать приехал?» Рабочий терялся и не знал, как отвечать.

На второй день мы пошли на комбинат.

Там мы увидели того самого Ивана Быстрина, который нас встречал в прошлый раз. И он говорит: «На нашем комбинате я знаю только одного коммуниста, который на ваших позициях. Все остальные против. И против потому, что если бы вошли только советские войска, мы бы вас поняли. Но зачем к нам вошли немцы, с которыми мы воевали? Зачем к нам вошли венгры, поляки?» Чехи их не терпели и были очень обижены. Вот такая была обстановка.

На комбинате мы шли мимо установок. На заводе работало много русских женщин, которые вышли замуж за чехословацких парней. Ведь чехословацкие ребята учились в Москве в нефтяном институте имени Губкина, который готовил кадры для нефтеперерабатывающей промышленности. И многие наши девушки вышли за них замуж и уехали в Словакию. И они работали на этом комбинате.

Когда мы проходили через зал, за столами сидели очень многие — снабженщицы, это было заводоуправление. Но никто из них даже головы не поднял, чтобы посмотреть на нас.

На третий день нас пригласили на прогулку по городу. Везде, где мы ездили, на парапетах, на бордюрах было написано: «Дубчек! Свобода!» Дубчек был председателем правительства, а Свобода — президент. То есть этими надписями хотели сказать, что у них обоих — одна и та же политика.

Были и такие лозунги: «Русские — убирайтесь домой!».

Обстановка была напряжённая.

На третий день вечером нас повезли в ресторан за город. Экзотическое место. На вертелах изжарили курей. Мы немножко выпили, стали песни русские петь. К нам присоединились и словаки. А вот когда мы выходили... Когда мы приехали и раздевались в гардеробе, там был милиционер. Пришли одеваться — милиционера нет, а здесь нас ждали молодые люди, человека три-четыре. У нас

Несколько поколений работников Саратовского нефтеперерабатывающего завода

были сопровождающие: председатель партийной организации, председатель профкома. Но, не смотря на них, эти молодые ребята стали к нам приставать. Что нам было делать? Мы быстренько оделись, сели в машину и уехали.

На четвёртый день нас повели в драматический театр. Показывали постановку, которая называлась как-то типа «Любовь по-русски, любовь по-итальянски...»

И вот показывают любовь по-русски. Приходит девушка в военной форме и выходит солдат тоже в военной форме. Оба без погон. Сели на скамейку и стали обсуждать, как будут поднимать целину. А любовь по-итальянски играли совсем по-другому: обнимались, целовались.

Когда спектакль закончился, нас пригласили за стол. Спиртное, музыка, танцы... А с нами была девушка из гостиницы. Как-то так неожиданно получилось, что мы взяли её с собой. Так вот, с нами танцевала только она одна.

На следующий день мы уже отправлялись домой. Самолёт из Братиславы не летел. Надо было лететь в Прагу, и только из Праги был рейс в Москву.

Нам дали сопровождающего. Мы приехали в Братиславу, он привёл нас в комнату. Этот сопровождающий был с дочкой. Жена у него была русская, дочке 7-8 лет. Они летели в Прагу. Мы сидели в комнате для гостей, он принёс по бутылке пива. И девочка вдруг говорит: «Когда русские вошли, наш приложил к уху кусочек угля, а русские говорят: «Отдай радио! Отдай радио! Отдай радио!»

Мы прилетели в Прагу в главный аэропорт Чехословакии. Сюда же прилетел самолёт из Москвы. Но его обратный рейс отменили из-за непогоды. В аэропорту многие к нам подходили, все знали, что мы — русские, и говорили нам отнюдь не лестные слова. Ругали наше правительство.

С лётчиками нашего самолёта мы поехали ночевать в гостиницу. Потому что уже было понятно, что ближайший рейс будет только на следующий день.

В гостинице нам дали талоны на ужин и на завтрак. За лётчиками должна была придти небольшая машина, типа уазика, и мы попросили, чтобы лётчики нас тоже забрали — мы же не знали, во сколько нам ехать.

А утром... Нам никто ничего не сказал. Лётный состав уехал. А нас оставили в гостинице. Денег нет. Как добираться? Мы вышли на улицу, стали волноваться.

Метрдотель вышел из гостиницы. «Что случилось?» Мы объяснили. «У вас есть деньги?» А у нас у каждого было по 30 рублей, которые мы не имели права разменивать. Был такой порядок. И вот он спрашивает: «У вас есть ваши деньги?» «Ну, есть». «Давайте!» Он вызвал такси, нас довезли до аэропорта. И мы успели на самолёт.

На нём летела какая-то музыкальная группа, все с инструментами. И был один человек, скорее всего, из КГБ. Он признался: «Я здесь прожил 10 дней, и я рот не раскрывал, чтобы никто не догадался, что я русский. Теперь я хоть могу говорить».

Мы прилетели в Москву. Кто-то из ребят в Чехословакии купил сапоги для жены. У нас были и разные красивые поделки из стекла, которые нам дарили. В аэропорту пошли забирать багаж. У одного из нас вещи подменили, его чемодана с сапогами нет. Вместо него отдали чемодан с какой-то мочалкой. Что тут делать? Ведь ничего не сделаешь.

Вот такая была вторая поездка в Чехословакию в 1968 году.

Эти обе поездки в Словацкую республику были, когда я работал на заводе. Один раз я ездил в составе областной делегации. Второй раз — от завода.

И у меня есть две юбилейные награды, которые мне вручили в Чехословакии. В наградном листе — моя фамилия, а подписан он так: «Президент Свобода».

— **Иван Константинович, как вы думаете: крушение социалистического строя было неизбежно?**

— Развал Советского Союза происходил по сценарию западных служб. Было запланировано: вызвать недоверие к коммунистической партии Советского Союза, ввести людей в заблуждение.

А развал Советского Союза к чему привёл? Об этом можно судить по Саратовской области. Ведь сейчас у нас ни одно крупное предприятие не работает. Заводской район был самым крупным промышленным центром Саратовской области. На авиационном заводе работало 26 тысяч человек. На подшипниковом заводе — 11 тысяч человек. На «Нитроне» — 7 тысяч человек. На заводе зуборезных станков 6 тысяч. На заводе Ленина — 3 тысячи человек.

Что осталось?

Авиационного завода нет. Ноль. На заводе подшипников работает 1700 человек. На «Нитроне» 700 человек. Завода зуборезных станков нет.

Так что никаких предприятия в Заводском районе уже не осталось. Это уже давно не промышленный район — а так, район торговли.

А где людям работать? Ведь сейчас официально об этом никто не говорит. Из Саратова уезжают на заработки в Москву, в Ленинград, в Самару, в другие регионы 200 000 человек.

У нас негде работать. Хотя официально говорят о том, что у нас — самая низкая безработица.

...Вот такой у меня был тернистый путь. Мне было суждено стать руководителем района — и партийным, и советским. А потом быть

Супруги Иван Константинович и Клавдия Васильевна Герасимчук

в областном масштабе руководителем отдела. А я ведь никогда не мечтал, что буду руководителем района. У меня такого даже в мыслях не было!

Наоборот, я не хотел уходить с завода. Когда меня избрали вторым секретарём, мы с директором завода ходили в горком, в райком — просили отменить это решение, чтобы я остался на заводе. Но если партия сказала «Надо!», значит надо.

Предлагаем Вам так же аудиозапись этого интервью, состоящую из двух частей:

1. <https://yadi.sk/d/741IWxuSPKTxTA>
2. <https://yadi.sk/d/KcmGpW0-TBFkBw>

Всегда есть о чём рассказать в музее родного завода